

ВИКТОР СУПРУНЧУК

ДЛЯ ТЕБЯ Я ГОТОВ НА ВСЁ...

РАССКАЗ

Я стоял на самом краю света. За мной громоздились поросшие мхом огромные валуны, а чуть дальше чернели кривые, словно обгрызенные скалы. Несмотря на тёплый солдатский бушлат, меня пронизывал, казалось, насквозь бешеный ветер, дувший с моря и сыпавший соленую крупу. Но я не уходил с берега.

У ног тёрлись о камни волны холодного моря. Тёмного, бесконечного.

Я стоял и плакал. Мои слёзы смывал мокрый ветер. От холода я постепенно успокоился. Мне стало легче. Никто не видел моих слёз. Я, как всегда, — спокойный, весёлый парень. Такой же, как мои товарищи, с которыми изо дня в день проходит моё время.

Нас немного на этом маленьком острове в холодном, очень далёком от моей деревни море. Спрятавшись за чёрной горой, на которой машут крыльями локаторы, стоят пять зелёных домиков и жёлтый, — видимо, чтобы было веселее, — двухэтажный барак. В домиках живут семьи офицеров, в бараке — солдаты. Мы — особая рота. Километров в двух от нас, тоже за горой, ещё одна особая рота. И там несколько домиков и барак. Наш командир — высокий седой майор Кириллов — начальник этого гарнизона. У него есть заместитель — капитан Гризюк, широкий, как печь. У него унылое выражение лица и короткая рыжая борода. Он отвечает за воспитательную работу с нами. Каждое воскресенье на втором этаже барака капитан Гризюк показывает нам кино. Репертуар небольшой: “Чапаев” или “Бриллиантовая

СУПРУНЧУК Виктор Петрович. Родился в 1949 г. в д. Селец Березовского района Брестской области. Окончил Белоозерское училище электротехники, факультет журналистики БГУ. Автор более десяти книг прозы. Лауреат литературной премии им. Ивана Мележа. Живет в Минске.

рука”. Эти фильмы мы будем смотреть до тех пор, пока не придёт корабль. Он бывает раз в два-три месяца.

Посмотреть кино порой приходят жёны офицеров с детьми. Тогда зал полон. Все свободные от службы солдаты ходят в кино. Теперь я понимаю: чтобы поглазеть на красивых женщин, празднично нарядных, от которых пахнет духами. Чьи голоса — словно волшебная музыка. Обычно мы видим жён офицеров у их домиков, в халатах или спортивных костюмах. У всех этих женщин одно “обыкновение” или, лучше сказать, забава — куры. Их они с утра до вечера кормят, за ними ухаживают, и иногда слышно, как хвалятся одна перед другой прибылью — количеством яиц.

В тот день я сидел в зале совсем близко от жены капитана Гризюка. Моё колено почти касалось её спины.

Она была в белом платье. На плечах — красная кофточка. Густые чёрные волосы завивались и спускались почти до пола. Так мне казалось, потому что через минуту, после того как я сел сзади на стул, уже ничего не видел. Только её белую, как сметана, прикрытую чёрными волосами тонкую шею. Немного оттопыренные, маленькие уши с золотыми серёжками, а в них прозрачные, как колодезная вода, маленькие камешки. Чувствовал тонкий аромат мягких сладких духов.

Звучала музыка, туда-сюда слонялись дети офицеров. Я сидел, как прикованный к стулу, смотрел на эту бело-розовую шею и боялся, что мне станет плохо. Её запах издевался надо мной. У меня было ощущение, будто я попал в ловушку. Я жадно глотал тот ароматный воздух, видел волну чёрных волос, которые переливались медью под светом электрической лампочки.

Она несколько раз оглянулась, внимательно посмотрела на меня. У неё были весёлые глаза. Губы шевелились в игривой усмешке. Меня осматривали, словно какую-то неизвестную вещь или игрушку.

Фильм закончился очень быстро. Я сидел бы в этом зале ещё час, два, лишь бы только видеть её перед собой. Смотрел бы, смотрел... Но зажгётся свет, и она с соседкой, женой командира взвода Деркуса, весело переговариваясь, двинулась к выходу в зелёном потоке солдатских шинелей. Я ожидал, что она оглянется, снова посмотрит на меня своими весёлыми глазами-уголками. Никто на меня не посмотрел. Настроение испортилось надолго, и я, словно в тумане, шёл на вечернюю поверку, ложился спать. Ничего не слышал и не видел. В голове, как в кино, без конца прокручивались кадры с женой капитана Гризюка. Она садится на скамейку, смеётся, оглядывается, расстёгивает пальто. На ней чёрные блестящие чулки, как я замечаю — с рисунком. На ногах совсем маленькие, словно детские, красные остроносые туфли на высоком каблуке. Её улыбка...

Я засыпаю где-то под утро. Мне душно и горячо, болят бока. Наконец, снится, что она с мужем, капитаном Гризюком, за столом сидит, завтракает. Потом он целует её, целует... Звучит музыка, и они начинают весело танцевать. Неожиданно спотыкаются и падают на пол, а длинные чёрные волосы поднимаются, как столб дыма.

Я хочу помочь ей подняться, протягиваю руку — и не хватает силы, потому что мешают борода капитана Гризюка. Я толкаю его, а передо мной стена, которая зажимает меня в угол. И нет оттуда выхода...

До армии я даже не смотрел в сторону девушек. Как говорил наш сосед в деревне, дед Мянтуз, ещё не созрел. Мало каши съел. При чём тут каша, кто его знает? Каждый по-своему начинает взрослую жизнь. Что-то происходит внутри, когда вдруг начинает нравиться девушка, лучше которой, кажется, нет ни одной на свете.

Я увидел жену Гризюка и будто сошёл с ума. Мне хочется по несколько раз в день пройти мимо их домика, посмотреть, как она разговаривает с соседками, возится с курами. У меня сразу поднимается настроение, и я чувствую радость. И служба кажется мёдом. И мокрый ветер с моря уже не такой холодный. Утром я бегу кросс по каменистому острову с удовольствием, не прячусь у широкой тёплой трубы гарнизонной котельной.

Я с нетерпением жду субботы, когда опять будет киносеанс, и жёны офицеров будут сидеть вместе с нами в зале. Дни идут невыносимо медленно, тя-

нутя, словно резиновые. А в четверг старшина роты с грустью сообщил, что капитан Гризюк, который поехал на Большую землю в политотдел, вернётся только на следующей неделе, а значит, новых фильмов не будет. На “Бриллиантовую руку” и “Чапаева” уже никто не пойдёт: кому охота смотреть их третий месяц?.. Теперь суббота для меня — обычный день, унылый, будний. Ощущение, будто у меня украли что-то очень дорогое и близкое.

Я угрюмо чистил на кухне картошку, не слушая, о чём галдят рядом мои товарищи, не воспринимая их анекдоты, байки. В голове жила только одна мысль, которая волновала моё существо и днём и ночью. Я подумал, что так бывает у людей с не совсем здоровой психикой. Но всё же одно — думать так о ком-то, и совсем другое — о себе. Что я должен делать, если все время перед моими глазами стоит Ольга Ивановна, жена капитана Гризюка? Её чёрные волосы, пухлые губы и бело-розовая шея...

Стукнула дверь, и на кухню залетел дежурный по роте, с порога уже заорал:

— Дубицкий, Дубицкий! Что, оглох, салага?

Какой я ему салага, если прослужил больше года? Но я смолчал. Дежурному по роте через два месяца домой, а мне ещё много раз чистить картошку на солдатской кухне, ходить в караул и смотреть по субботам кино.

— Дубицкий! — опять заревел дежурный.

— Что такое? — наконец, подал я голос. — Видишь: картошку обдираю...

— Давай быстренько к командиру роты, иначе он обеспечит тебе кухню до дембеля.

Я не спеша сполоснул руки, привёл себя в порядок и пошёл в канцелярию. Не меньше получаса простоял, ожидая, пока майор Кириллов закончит разговор по телефону. Впрочем, мне спешить некуда: меньше останется чистить мелкой, как горох, картошки. Где её только набрали? Мои родители более крупной картошкой свиней кормят. Я так думал, но никому не говорил.

Справа от стола майора стоял высокий, как шкаф, с большой ручкой железный сейф. Видимо, все знали, что там командир роты хранит деньги офицеров и солдат. Это была гарнизонная касса, откуда майор Кириллов один раз в месяц под роспись выдавал нам зарплату. Говорили, что в этом сейфе некоторые офицеры держали свои деньги несколько лет, собирали, чтобы поехать с семьями в отпуск на Большую землю. На острове был маленький магазин, в котором мы покупали сгущённое молоко, печенье, сигареты, конфеты и разную мелочь. Колбаса, сыр, сладости появлялись там тогда, когда раз в месяц с Большой земли приходил катер.

— Так, Дубицкий, так, — отклеил, наконец, своё ухо от телефона майор Кириллов. — Ты же, кажется, до армии учился на электрика. Правильно?

— Так точно!

— Значит так, Дубицкий. Пойдёшь к капитану Гризюку. Его жена Ольга Ивановна теперь дома. У них что-то случилось с электричеством, испортилось что-то. Какая-то авария. Ольга Ивановна скажет, что делать. Понял?

— Понял.

— Ещё передашь ей этот конверт, — майор Кириллов достал из ящика стола ключ, отомкнул сейф и передал пухлый конверт. — Смотри, чтобы мне потом не было стыдно...

Ольга Ивановна стояла на крыльце и разговаривала с соседкой. На ней был красный, в цветочек, почти до пят халат. Она весело смеялась. Удивлённо посмотрела на меня и пригласила в дом.

Я быстро исправил аварию, если так можно назвать то, что я сделал, — не работали две розетки, — и присел у стола, дожидаясь хозяйку, всё ещё болтавшую с соседкой во дворе. На стене напротив меня в деревянной рамке висела большая чёрно-белая фотокарточка Ольги Ивановны и капитана Гризюка, на которой он был без бороды и в лейтенантских погонах. У него были весёлые наглые глаза. Казалось, он обращался ко мне: “Видишь, какая моя жена красавица?! У тебя такой никогда не будет...” Будто стоял рядом. Я даже оглянулся, тряхнул головой, прогоняя наваждение.

Стукнула дверь, неспешные лёгкие шаги всё ближе и ближе. Она осмотрела меня, усмехнулась:

— Так это ты — Дубицкий, специалист по электричеству?

— Как видите...

— Кириллов сказал: “Пришло Дубицкого”. А я думаю: что за Дубицкий... Всё сделал?

— Сделал. Холодильник работает, телевизор тоже. Ой, простите, — я вспомнил о конверте и передал его Ольге Ивановне. Она разорвала его: там были деньги. Пересчитала их и положила в буфет.

— То, что нужно, а то Гризюк забрал с собой последние. Ну, спасибо, спасибо, — она вновь заулыбалась, постукивая ногтем по столу.

— Не за что. Тогда я пошёл, — я поднялся, не зная, как держать свои руки, и чувствуя, что краска заливает мне лицо, шею. Мне одновременно хотелось и побыстрее выйти на улицу, и остаться в доме.

— Посиди, посиди. Успеешь в свою казарму. Покормлю тебя чем-нибудь вкусным.

— Понимаете, Ольга Ивановна...

— Ничего не понимаю. Никакая я тебе не Ольга Ивановна. Называй меня просто Олей. Если хочешь — Оленькой, но только не при муже. Он у меня очень ревнивый, — она захохотала и провела рукой по моей голове, лохматя волосы. Мне стало совсем горячо. Я боялся поднять глаза от пола, посмотреть на Ольгу Ивановну. У меня язык не повернется назвать ее Оленькой.

Она уже хлопотала у плиты, поставила на огонь сковороду. Запахло жареным салом и луком.

— Слушай, Тарас... Тебя ж Тарасом зовут? Подрежь рыбы, а то она твёрдая, как железо. У меня силы не хватает её разделявать. Так ты — Тарас. Тарасик. Тарасик, где твой матрасик? — она опять захохотала и добавила: — Да не стесняйся ты. Я нормальная женщина. Если жена капитана, так что — не человек? Я вас, солдат, понимаю: вокруг одна вода. Ни танцев, ни девушек. Только “Чапаев” и “Бриллиантовая рука”. Мне самой иногда так грустно, что, кажется, вот-вот завою, как волчица. Каждый вечер считаю дни, когда мы, наконец, переедем на Большую землю. Осталось ещё сорок пять дней. И всё. А тебе много ещё?

— Почти четыре месяца...

— Ничего, пролетят. Мы здесь уже пять лет. Сначала казалось, что никогда не закончатся. Садись ближе к столу! Не стесняйся и никого не бойся. Тем более, что Гризюк вернётся только через неделю. Раньше нет катера. Пусть отдохнёт, а я — от него...

Стол был шикарный. На всём свете не было, пожалуй, лучшего: потрескивали на горячей сковородке шкварки, накрытые жёлто-белыми яйцами, в трёхлитровой банке, словно клюква, красным светом сверкала икра, на тарелке пластинами лежал палтус. Солёные помидоры, огурцы, капуста, сыр. В центре возвышалась бутылка “Столичной”.

Солдату всегда хочется есть, а тут ещё такие лакомства, — и я ел, как говорится, от души. Выпили по рюмке, по второй. Ольга начала расспрашивать меня о родителях, откуда родом, есть ли девушка. Обычные вопросы, которые мы время от времени задаём друг другу.

Лицо у неё порозовело, она ещё похорошела. В чёрных, как смоль, глазах появился лихой огонёк. Она встряхнула головой, и волосы закрыли лицо, плечи.

— Ну, как? Нравилось тебе? — кокетливо спросила, прижмурив правый глаз.

— Очень...

— Я это в кино заметила. Ты мне сразу бросился в глаза. Высокий, плечистый, и волосы — как лён... — она положила мне на тарелку шкварок, рыбы: — Ешь. Кто хорошо ест, тот хорошо и работает.

После третьей рюмки я осмелел и начал расспрашивать её. Она была, как и Гризюк, с Украины. Окончила педучилище, но ни одного дня не работала. Вышла замуж за Гризюка и через неделю уже была на этом острове.

— Грустно мне. Скукотища. Но если подумать, что ждёт там, на Большой земле, то тоже никакой радости. Денег мало. Ни нормальной одежды

не купишь, ни обуви. Не говоря уже о машине или квартире. За туманом, за туманом ничего не видно... — затынула она высоким сочным голосом и вдруг резко оборвала песню. — Разбередил ты мне душу, Тарасик...

Неожиданно Ольга наклонилась ко мне и поцеловала в губы. Словно обожгла огнём, и я, как сумасшедший, опьянев от этого поцелуя, потянулся к ней, обхватил двумя руками. Но она оттолкнула меня. Да так, что я ударился затылком о стену.

— Извини. Всё. Иди!.. Скажешь Кириллову, чтобы отпустил тебя завтра после обеда. У меня ещё две розетки испорчены...

Всю ночь я не спал, лежал без мыслей, представлял, как после обеда иду к Ольге, стучу в дверь. Она на пороге улыбается мне. Потом целует. Сильно. Чувствую, как начинают гореть губы и становится горячим лицо. Не могу дожидаться, когда наступит утро. Мне тесно в казарме, не хватает воздуха. Рядом храпят такие же солдаты, как я. Но им далеко до меня. Никого из них не целовала Ольга, самая красивая женщина на свете, и никого не приглашала после обеда к себе. Сейчас я способен подпрыгнуть до неба, доплыть с острова до Большой земли. Пусть она меня только попросит! Какие у неё вкусные губы! От одного её прикосновения, казалась, перевернулся мир. И я забыл обо всём и обо всех на свете. Вот она какая — любовь! Значит, я люблю её! О Боже, а какой запах от волос, от рук!.. Глаза необыкновенные... Они зовут к себе, в них ласка и нежность...

Перед обедом меня остановил майор Кириллов. Ветер притих, солнце смотрело прямо вниз, заставляя жмуриться. Жмуриться и радоваться последним тёплым дням перед наступлением осени. Командир роты стоял у казармы с непокрытой головой, курил, подставив широкую блестящую плешь под солнечные лучи.

— Будто в Сочи. Правда, Дубицкий?

— Не знаю, товарищ майор. Никогда там не был.

— Ну, ну... Когда-нибудь побываешь. Звонила Ольга Ивановна Гризюк. Благодарила за качественную работу. Просила, чтобы опять после обеда пришёл. Ещё у неё две розетки испорчены, — майор прикрыл глаза от солнца. — Смотри, аккуратно, замыкание не сделай...

Кириллов усмехнулся, но глаза были хмурые, недовольные. Он бросил окурок в мусорку, сплюнул и пошёл в канцелярию. Уже на крыльце, не поворачивая головы, буркнул:

— Смотри, аккуратно...

В столовой я съел только рыбу и выпил компот. А остальное не лезло в горло. Ноги, не подвластные разуму, несли меня к офицерским домикам. Я обошёл их несколько раз, осмотрелся. На улице никого не было видно. Чей-то мальчуган на велосипеде пролетел мимо по дороге в сторону второй особой роты. За перегородками возились куры. Изредка драл горло петух майора Кириллова. Один на всех офицерских кур.

Я решительно взойшёл на крыльцо. Не успел постучать, как дверь отворилась. Через мгновение я стоял в тёмных сенях, и меня жадно целовали горячие губы. Я, казалось, тонул в ароматных густых волосах Ольги,пил сладкую кожу, чувствовал руками совершенство её тела.

В казарму я вернулся, когда уже стемнело. Тихонько разделся и лег спать. Заснул, как только накрылся одеялом. И вскоре проснулся: всё тело было пропитано Ольгой. Ею пахли руки, одежда и даже кровать. Я дышал этим воздухом, не мог без него жить. Оленька была нужна мне, как вода, солнце, небо.

Теперь, где бы я ни был, рядом незримо присутствовала она. А ночью, когда засыпала казарма, я, словно вор, залезал через окно в квартиру к ней, жене капитана Гризюка. Возвращался под утро перед побудкой. Я полз, будто зверь, по траве, по полу, взбирался по стене казармы, вспоминая всю науку, которую получил в специальных войсках под командованием майора Кириллова, благодаря которому и очутился на этом острове.

Два дня оставалось до возвращения капитана Гризюка с Большой земли. Я ни о чём не думал, я был счастлив. Забыл о небе и земле, забыл, что службу на острове, что отсюда можно добраться только на катере, либо, если Бог даст, на самоходной барже. Я был счастлив...

Я проснулся от того, что она заплакала. За окном было темно, слышалось мощное дыхание моря. Я обнял её, прижал к себе и тоже заплакал. Не знал, что меня ждёт и что мне делать. Оленька... Оленька... Как ты могла выйти замуж за этого бородатого толстяка Гризюка?.. Ну и что, что он капитан? Может, придёт время, когда я буду полковником либо генералом. Главное — я люблю тебя, Оленька. Для тебя готов сделать всё, что пожелаешь... Готов на всё...

— Вскоре придет Гризюк, и закончится наша любовь. Напрасно я всё это начала. Ничего хорошего у нас впереди нет. — Ольга тяжело вздохнула, поднялась с постели, закурила сигарету. Я и не знал, что она курит. — Месяц назад от мамы было письмо. Будто бы подходит очередь на кооперативную квартиру, а денег нет. Вот тебе и вся любовь. Ты — солдат, я — воспитательница детского сада, которая не работала ни дня. А если б и работала?.. Ты знаешь, Тарасик, какие зарплаты у воспитательниц детского сада? Слёзы... Так что нужно мне держаться моего Гризюка. Может, ещё подполковника получит.

Она погасила сигарету о блюдце, склонилась надо мной, поцеловала. Я обхватил её, прижал к себе. Не мог представить, что через два дня Ольга будет вместе с Гризюком. Он её целует, обнимает... А я кто? Куда мне податься? Как мне дальше жить? А деньги... Деньги — не проблема. Есть у меня руки, ноги, голова. Заработаю. Лишь бы Ольга была со мной. Без неё я не смогу жить. Они поедут на Большую землю. Мне служить ещё четыре месяца. Может, мне сбежать? Но как отсюда убежишь? Я верю, что она меня будет ждать. И мы будем вместе. Что такое четыре месяца? Ничто. Мы встретимся на Большой земле и будем жить вместе. Я её очень люблю. А она меня? Тоже... Что нам ещё нужно? Ничего. Всё остальное я добуду сам.

В канцелярии у стола майора Кириллова стоит сейф, полный денег. Ключ от него — в верхнем ящике стола. Я будто вживую увидел, как командир роты достаёт ключи, открывает сейф. Кстати, завтра я дежурный по роте. И, когда все спят, никто не помешает мне отомкнуть тот железный ящик. Я принесу деньги Оленьке, помогу ей, и она будет меня любить. Оставит Гризюка, чтобы быть только со мной. Мы поедем ко мне на родину. Я устроюсь электриком на завод или в колхоз. Ольга будет работать в детском саду. Мы построим дом. Большой, из красного кирпича, как у председателя колхоза. Посадим сад. Десять яблонь, четыре груши, вишни, сливы... Всё будет хорошо, Оленька. И деньги тебе я найду...

Той ночью был сильный шторм. Шумело, грохотало море. Ещё немного — и волны, казалось, накроют казарму, прямо стонавшую под натиском ветра. И если бы не гора, возвышавшаяся поперёк острова, была бы беда. Но солдаты, уставшие за день тяжёлых военных трудов, спали. Отдыхал и дневальный — ефрейтор Марару, курносый молдаванин, мечтавший после армии пойти служить в милицию участковым в своей деревне. Я нагнулся над ним. Что-то, видно, ему снилось, потому что Марару улыбался, а из полуоткрытого рта текла слюна.

Минуту-другую я слушал дыхание большого количества людей. Потом вышел на крыльцо. Было темно, хоть глаз выколи: ни одного огонька. Бесперывно стучал по освещённой мачте кусок железа. Офицерские домики пропали на чернильных просторах ночи, насыщенной густым холодным дождём.

Я взял из ящика ключи от канцелярии и, дрожа от страха, отомкнул дверь. Отступить уже не мог. То, что задумал, — выполню. Дневальному спать ещё час. Никто не должен меня увидеть. Боже, помоги мне! Я это делаю не для себя, а для Оленьки, за которую, если понадобится, отдам жизнь. Эта мысль придала мне сил и уверенности. Шаг, второй, третий. За окном воет ветер, скулит, стонет, и кажется, кто-то подглядывает за мной, следит за каждым шагом.

Я нашёл ключи в ящике стола... Будто сомнамбула, брал из сейфа деньги, складывал их за пазуху, по карманам. Вытащил ключ из замка, вытер его о гимнастерку, чтобы не осталось отпечатков пальцев. В коридоре я постоял, прислушиваясь, настороженный, как зверь, готовый к неожиданностям.

И куда мне деть эти деньги? У меня ещё полчаса. Все спят. К Оленьке бежать пять минут. К Оленьке, к Оленьке... Для неё обокрал я кассу, открыл сейф. Забрал все деньги. Сколько их? Всё равно. Хватит Оленьке на квартиру и на будущее... Беги, беги, отдай ей. Быстрее, быстрее...

Не обращая внимания на дождь, шлепнувшись дважды на расползающуюся глине, мокрый и грязный, я добрался до Ольги. Ещё немного — и, наверное, выломал бы дверь, молотя сапогом. Она, наконец, открыла, перепуганная, с ружьём в руках.

— Ты?! Сдурел?..

Я вошёл в сени, вывалил на пол деньги, поцеловал Ольгу и бегом назад. Крикнул только, закрывая за собой дверь:

— Спрячь!

Прошла неделя. Всё благоприятствовало мне. Майор Кириллов заболел гриппом, и пока вместо него ротой командовал капитан Гризюк, который вот уже два дня как на торпедном катере вернулся с Большой земли.

Катер стоял в бухте, и капитан-лейтенант Гарбузь, мой земляк с Могилёвщины, пока не выходил из домика майора Кириллова. Они гуляли, потому что Изя Жердич из Одессы, окончивший перед армией три курса консерватории, со вчерашнего дня не ночевал в казарме вместе со своим баяном. И весёлые песни плыли над островом.

Когда заснула рота, я выскользнул из казармы. Осторожно шёл, держась тени, где видел необходимость — полз. Так, как нас учили в Центре подготовки младшего комсостава.

Я хотел увидеть Оленьку. Хоть на минутку. Да и поговорить с ней нужно, обсудить нашу жизнь. Я напишу письмо родителям, чтобы ждали нас с Оленькой, потому что сначала будем жить у них. А если вдруг родится ребёнок? Мальчик или девочка. Девочка будет красавицей — такой, как Ольга. С длинными чёрными волосами. Мальчик будет похож на меня: светловолосый, высокий и сильный.

Что сделать, чтобы позвать Оленьку? Кого попросить? Я сидел полночи перед домом Гризюка в зарослях и ждал, надеясь на помощь небес, потому что ни один человек на острове не мог услышать голос моего сердца. Разве только Ольга...

Утратив всякую надежду увидеть любимую, я едва успел вернуться в казарму до подъёма. На разводе уже был майор Кириллов. Я слабо слушал, о чём говорил командир роты. У меня дрожали руки и ноги от мысли, открывал ли Кириллов сейф. Наверное, ещё не открывал. Иначе бы начался кавардак. Майор — эмоциональный мужчина, командный голос выработал, и если кричит, так слышно далеко от казармы. Но развод закончился спокойно, без криков и ругани.

У меня был очередной наряд на кухню, и я пошёл со своими напарниками к столовке, от которой, словно на ладони, видны тёмно-свинцовые волны моря, бухта с торпедным катером...

Бухта. Пустая бухта... Без катера, который уже возвращался на Большую землю. С Ольгой на борту. Об этом я узнал в конце дня. А через четыре месяца я тоже плыл на торпедном катере к Большой земле в качестве подследственного, признавшись в краже денег из гарнизонного сейфа... А Гризюка и Ольгу так и не нашли.

*Перевод с белорусского
Никиты СУПРУНЧУКА*